

© 2005 г. Г.И. КУСТОВА

**О СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СЛОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ
И ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ***

В статье рассматриваются возможности (и ограничения) образования производных значений у предикатных слов с разными типами исходных значений. Семантический потенциал слов энергетической сферы (прежде всего, глаголов физического действия) реализуется за счет извлечения из исходного значения и связанной с ним прототипической ситуации семантической схемы, которая используется для концептуализации разных типов ситуаций – как физических, так и нефизических – по принципу аналогии. Для слов экспериенциальной сферы (ощущений, перцептивных и эмоциональных состояний) основной механизм языкового расширения – перенос по смежности: на ситуации, каузирующие или эксплицирующие внутреннее состояние (*грустная история; грустный взгляд*), а также на иерархически более высокие состояния внутри самой экспериенциальной сферы (ощущение → эмоция → оценка; восприятие → знание).

В данной статье обобщены некоторые наблюдения, сделанные в ходе описания многозначности и основных тенденций семантического развития слов с разными типами исходных значений [Кустова 1996; 1998а; 1998б; 1999а; 1999б; 2000а; 2000б; 2002а; 2002б].

Теоретически можно было бы представить себе развитие языка как процесс механического увеличения семиотических ресурсов (новый объект/ситуация → новый знак). Реально этого, как известно, не происходит. Язык идет по пути распространения уже существующих, “старых” знаков на другие, “новые” объекты и ситуации.

Этот процесс можно назвать **языковым расширением**, поскольку сфера “охвата” объектов или ситуаций, к которым применяется данное слово, расширяется. Однако вовлечение в орбиту слова новых объектов или ситуаций – лишь внешняя сторона процесса расширения. “Изнутри”, на уровне семантики, происходит приспособление (модификация, адаптация) исходной семантической структуры и возникают другие значения (в том числе и в результате расширения как семантического процесса (генерализации), а также в результате метафорического переноса, метонимического смещения, специализации и их различных комбинаций).

Отношения между значениями многозначного слова по-разному трактуются в лингвистической теории и по-разному отражаются в лексикографической практике.

Такие классики филологической мысли, как А.А. Потехина и Л.В. Щерба, предлагали рассматривать каждое “следующее” значение как самостоятельное слово, что вело к отказу от понятия полисемии как явления синхронии.

Более распространенная модель полисемии представлена традиционными словарями, где совокупность значений слова обычно фиксируется в виде “первого” значения (исходного, основного, свободного, номинативного и т.д.) и “не-первых” (производных, переносных, контекстно обусловленных). Причем количество значений и границы между

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-04-04130а, и РФФИ, проект № 05-06-80396.

Основные положения статьи докладывались на семинарах под рук. Ю.Д. Апресяна и Н.Д. Арутюновой. Автор благодарит руководителей и участников семинаров за доброжелательное и конструктивное обсуждение работы.

значениями, фиксируемые словарями, до известной степени условны и выделяются по-разному. Это может зависеть не только от различий применяемых лингвистических процедур, но также от таких экстралингвистических факторов, как объем словаря и аудитория, на которую он ориентирован (ср. 4-томный “Словарь русского языка” под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) и Словарь Ожегова–Шведовой).

Для современных лингвистических теорий и моделей характерны попытки представить значения многозначного слова как некоторую структуру, элементы которой связаны определенными отношениями (это может быть попытка возведения всех значений к инварианту; представление значений в виде семантической сети, распространенное в когнитивной лингвистике, см. обзор [Рахилина 1998]; выделение концептуальной схемы [Зализняк 2004] или концептуальной структуры [Розина 1999]).

При этом природа механизмов образования производных значений понимается по-разному.

В работах Ю.Д. Апресяна, в русле общей идеи системной организации лексики, вводится понятие регулярной многозначности (см. особенно [Апресян 1974: 193–215]) и на разнобразном языковом материале рассматриваются различные типы регулярных (т.е. повторяющихся) соотношений между значениями. Однако сами эти соотношения не являются актуально действующими правилами, по которым мы можем неограниченно образовывать новые значения, т.е. большинство таких соотношений, будучи регулярными, являются непродуктивными¹.

В работах Е.В. Падучевой [Падучева 2000; 2004], напротив, акцент сделан на динамическом аспекте образования значений, что подчеркивается термином “семантическая деривация” (ср. название итоговой монографии “Динамические модели в семантике лексики”. М., 2004). Особенность такого подхода состоит в том, что производные значения слова рассматриваются как получаемые, выводимые из исходного – “корневого” – по определенным правилам, в результате определенных типов преобразований [Падучева 2000: 398]. В первую очередь это относится, конечно, к диатетическим преобразованиям (ср. часть III, главы 2, 4, 5, 8 монографии [Падучева 2004]).

Поскольку в данной статье речь пойдет о связях производных значений с исходным и способах получения одних значений из других, мы хотим обозначить те позиции, с которых эти явления будут рассматриваться:

а) независимо от того, понимать ли полисемию как статическое явление (данность) или как динамическое (механизм, процесс), новые значения у слов постоянно появляются (см., в частности, словарь “Новые слова и значения”. М., 1984), и эти значения отражают и демонстрируют общие семантические и когнитивные механизмы, действующие в данной сфере;

б) независимо от того, является ли производное значение регулярным или нерегулярным, продуктивным или непродуктивным, независимо от того, выводимо ли оно “целиком” из исходного по определенным правилам или содержит некоторые невыводимые добавки и приращения, оно возникло на базе некоторого исходного значения; а поскольку исходные значения разные, то и возможности их семантического развития разные: из исходного значения можно получить не любое производное, а прежде всего такое, которое предусмотрено, предопределено его типом и связанной с ним ситуацией.

Подход, принятый в настоящей статье, переносит акцент с производных значений на возможность (семантический потенциал) исходного значения: речь будет идти не только и даже не столько о типах производных значений, сколько о способах (типах) использования исходных значений. Прежде чем перейти к рассмотрению языкового материала, коротко прокомментируем некоторые основные понятия и положения этого подхода.

---

¹ Как заметил Ю.Д. Апресян (устно), производные значения следует описывать не в терминах “образуются”, а в терминах “образованы”, “мотивированы”; аналогичный подход и терминология преобладают и в современном словообразовании.

Языковое расширение – это результат (закономерный и неизбежный) действия другого фундаментального принципа, который и лежит в основе полисемии. Принцип этот состоит в том, что лексическая единица рано или поздно начинает использоваться для обозначения новых объектов и ситуаций, для которых она первоначально не была предназначена.

Из этого принципа “вторичного”, многократного использования слова вытекает, что слово – это не только “единица хранения” информации о мире, но и инструмент когнитивного освоения реальности, средство концептуализации новых объектов и ситуаций, средство не только что-то назвать, но и что-то осмыслить. Причем это относится ко всем словам, в том числе однозначным, поскольку любое слово может быть использовано “вторично”. Однако наибольший интерес представляют, конечно, многозначные слова, т.е. те, которые сами говорящие считают наиболее подходящими, содержащими наибольшие возможности для концептуализации новых ситуаций, те, которые служат основным источником семантических моделей.

Весьма показательным, что один из излюбленных сюжетов когнитивной лингвистики (см. [Lakoff, Johnson 1980; Talmy 1983; 1988]) – метафорическое использование основных пространственных понятий (верх/низ, внутреннее/внешнее, точка, линия, плоскость, контейнер). Действительно, предметно-пространственные модели лежат в основе концептуализации самых разных непространственных и вообще нематериальных явлений.

Но не меньший интерес представляют в этом отношении и возможности предикатной лексики. Как отмечала Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1979], именно предикатная, признаковая лексика является основным образным и когнитивным ресурсом языка (в частности, дает обозначения для “невидимых миров”). Предметная же лексика – это всего лишь номинативный ресурс, она дает названия для предметов (ср. *глазное яблоко*) главным образом на основании внешнего (и тем самым случайного, несущественного, несущностного) сходства².

В данной статье будет показано, как используются предикатные слова (в первую очередь, глаголы, но также и другие признаковые слова: прилагательные, наречия, предикативы), т.е. слова, обозначающие ситуации, для концептуализации других ситуаций; какие семантические модели можно извлечь из предикатной лексики.

Поскольку человек, в основном, не придумывает новых слов, а обходится теми, которые уже существуют, приспособлявая их к новым функциям, развивая и актуализируя то, что в них “заложено”, то главные вопросы, которые в связи с этим возникают: что заложено? каковы ресурсы семантического развития слов разных семантических классов? каков их семантический потенциал?

Семантический потенциал слова включает два аспекта: (1) “что можно извлечь”; какой семантический материал содержится в самом предикатном слове и связанной с

---

² Разумеется, для предметной лексики возможны переносные употребления и на базе функционального сходства, но такой перенос основан уже на предикате, участвующем в толковании предметного имени и отражающем существенные свойства предмета. Сравним новое значение существительного *зебра* (“пешеходный переход”), зафиксированное словарем [НСЗ 1984], и жаргонное значение существительного *копыта* (“ноги” – о человеке). В первом случае для метафоры используется признак хотя и броский, но случайный. Полосатость, в отличие, например, от копыт, не относится к существенным признакам лошадей (разновидностью которых является зебра). С другой стороны, какой именно полосатый предмет будет обозначен словом *зебра*, угадать нельзя. Человек должен знать, что зебра – это “полосатый” пешеходный переход, а, например, не полосатый мармелад или полосатая тельняшка, поскольку для одежды, мармелада и даже перехода полосатость тоже является признаком случайным и не имеющим никакой существенной связи с зеброй. Совсем другое дело, когда мы применительно к человеку говорим *шевели копытами* – здесь однозначно имеются в виду ноги; при этом используется не внешнее сходство, а функциональное, т.е., в конечном счете, предикат “перемещаться”. Такой перенос, использующий существенные признаки, является семантически (если угодно, когнитивно) мотивированным.

ним ситуации; (2) “к чему это можно применить”, на какие другие типы ситуаций можно распространить этот материал.

Потенциал – это именно возможность (точнее, набор возможностей), а возможность может быть реализована многократно, а может не быть реализована ни разу. Например, у слова может быть несколько значений некоторого типа, а может не быть ни одного³. В данной статье не ставится задача объяснить, почему каких-то значений нет (хотя иногда это можно объяснить действием частных семантических факторов). Акцент переносится на то, какие типы значений возможны, что предусмотрено устройством исходного значения. При этом не важно, отражены ли эти возможности в словаре. Так, у слова *двигатель* в словарях фиксируется метафорическое значение (*двигатель прогресса*), у слова *мотор* аналогичное метафорическое значение в словарях не отражается, но оно, конечно, тоже есть (*мотор реформ*).

Потенциал – это не только возможности, но и ограничения, в которые человек должен “уложиться”. Из слова нельзя извлечь что угодно и применить это к чему угодно. Одной из наглядных иллюстраций таких ограничений, обусловленных “разностью потенциалов”, является работа основных семантических механизмов порождения значений – метафоры и метонимии.

Наряду с традиционными терминами “метафора” и “метонимия” мы будем использовать более широкие понятия АНАЛОГИИ и СВЯЗИ. Это те более общие принципы, на которых базируются метафора как перенос по сходству и метонимия как перенос по смежности. Аналогия бывает не только метафорическая; принцип связи охватывает не только пространственную или временную смежность, но и связь имплицативно-логическую, причинную, семиотическую [Metonymy 1999] (попутно отметим, что в основе двух других традиционно выделяемых семантических процессов – расширения и сужения значения, т.е. генерализации и специализации, – также лежит, в конечном счете, аналогия, осложненная логическими отношениями включения).

Метафора и метонимия известны со времен Аристотеля и античных риторик, и в этой сфере вряд ли стоит ожидать каких-то кардинальных изменений или новых открытий: просто потому, что аналогия и связь – это основные механизмы когнитивного освоения реальности человеком. Однако работа этих механизмов на разном языковом материале, применение их к разным группам лексики с разными типами исходных значений дает, как будет показано ниже, существенно разные результаты.

Семантический потенциал слова зависит не только от исходного значения, но и от ситуации, к которой оно относится, т.е., в конечном счете, от того, какую сферу описывает данное слово – **энергетическую** (физический мир – мир материальных объектов (куда входит и тело человека как физический объект), физических процессов и физических воздействий, ср. *Ящик / солдата отбросило взрывной волной*) или **информационную** (ощущения, восприятие, сознание, эмоции, речь, социальное взаимодействие). В рамках энергетической сферы мы рассмотрим слова, исходно обозначающие **физические действия** человека, в рамках информационной сферы – слова с **экспериментальной семантикой** и семантической ролью Экспериментера (см. [Blake 1994; Chafe 1971; Croft 1991; Fillmore 1968; Van Valin 1993; Кибрик 1992]), а именно: слова со значением ощущения, физиологических и эмоциональных реакций, восприятия, знания. Исследуя механизмы многозначности, можно, конечно, обнаружить закономерности, общие для обеих сфер. Но нас будут интересовать в первую очередь их различия.

Для семантического развития слов энергетической сферы принципиальным является обращение человека к **прототипической ситуации**, которую эти слова описывают в

³ Например, в работе [Апресян 1974] представлены многочисленные примеры регулярной многозначности, которая при этом не является продуктивной: у одних слов некоторого семантического класса определенное значение есть, а у других, которые теоретически имеют те же возможности семантического развития, такого значения нет.

исходном значении. Она является важнейшим источником семантического материала для производных значений⁴.

Именно от того, что человек в состоянии “увидеть” в прототипической ситуации, что он в состоянии из нее извлечь, зависит, на какие другие ситуации данное слово можно распространить, т.е., в конечном счете, какие у него будут производные значения. Кроме базовой семантической структуры, которая отражается в исходном значении, из прототипической ситуации извлекаются многочисленные импликация, связанные как с самим действием, так и со свойствами его прототипических участников. В рамках структуралистской парадигмы чрезвычайно актуальным и животрепещущим был вопрос о том, что входит, а что не входит в значение слова, какая информация является собственно языковой, а какая – экстралингвистической, энциклопедической. Отвечая на этот вопрос, можно сказать, что большинство импликаций прототипической ситуации не входит в исходное значение слова. Но они “входят” в другие значения и потому являются одним из главных объектов лингвистического описания. Без них нельзя объяснить ни откуда берутся производные значения слова, ни как они связаны между собой.

Например, в исходное значение глагола *сорвать* (*яблоко, цветок*) не входит компонент ‘нарушить’, это импликация прототипической ситуации (‘если сорвать цветок или плод, тем самым нарушается его органическая связь с другим объектом’), но именно с этой импликацией связана целая группа значений, которые реализуют идею нарушения и ущерба (*сорвать кожу на пальце; сорвать резьбу на гайке; сорвать голос; сорвать урок*); в исходное значение глагола *закрывать* (*кастрюлю крышкой*) не входит компонент ‘перестать видеть (содержимое)’, для данного действия этот результат не важен, – но он есть в ситуации и используется в других значениях (*Тучи закрыли солнце; Ты мне закрываешь экран*).

С другой стороны, прототипическая ситуация является “гарантом” единства многозначного слова, условием связи всех его значений, в том числе и тех, которые не имеют общих компонентов: они связаны постольку, поскольку возводимы к тем или иным фрагментам или импликациям прототипической ситуации (соответственно, если такая “мотивированная возводимость” к исходной ситуации утрачивается, развивается омонимия).

Легализация прототипической ситуации имеет важные следствия для решения проблемы единства слова, т.е. сохранения связей между значениями многозначного слова в виде общих компонентов (что традиционно считалось критерием различения полисемии и омонимии), и, с другой стороны, проблемы “распада” многозначного слова, т.е. утраты связей между значениями. Сама формулировка проблемы единства слова в терминах наличия общих компонентов предполагает, что значения получены одно из другого (тогда они, разумеется, неизбежно будут иметь общие компоненты). Однако значения многозначного слова вовсе не обязательно “производятся” одно из другого и поэтому вовсе не обязательно должны иметь общие компоненты (ср. [Апресян 1974: 178–179] о словарном представлении многозначности слов типа *молния*).

Все значения слова связаны потому, что имеют общий источник. Источником значений является та концептуальная структура, которую мы условно называем ситуацией. Это, конечно, не фрагмент внеязыковой реальности, а его когнитивная модель, т.е. смысл. В процессе семантического развития слова происходит постепенное исчерпание семантического потенциала этой концептуальной (когнитивной) структуры. Исходное значение – это всего лишь один из вариантов концептуализации ситуации, оно “вырезает” и фиксирует определенную конфигурацию компонентов. Эта конфигурация

---

⁴ Обращение к ситуации естественно и неизбежно при решении самых разных лингвистических (в частности, лексикографических) и логико-семантических задач [Апресян 1974: 99–100; Гак 1972; 1973; Кошелев 1989; 1999; Мартемьянов 1964; Петров, Переверзев 1988], ср. также [Селиверстова 1990: 97], где в рамках контрастивного описания используется понятие “протодемотативной ситуации”.

зависит, в частности, от того, какие другие знаки есть в системе для обозначения той же или похожей ситуации.

В глаголе содержится НЕ ВСЯ информация об обозначаемой им ситуации. Это следует хотя бы из того, что ОДНА И ТА ЖЕ ситуация может быть обозначена РАЗНЫМИ глаголами. Например, члены синонимических рядов по-разному представляют одно и то же действие, выделяют и акцентируют разные аспекты и элементы содержания ситуации. Если мы рассмотрим синонимический ряд *достать/вынуть/вытащить* (*кошелек из кармана*), окажется, что *достать* подчеркивает, акцентирует расстояние до объекта (Ю.Д. Апресян определяет этот признак ситуации как ‘X не находится непосредственно в пределах досягаемости субъекта’ [Апресян 1974: 160]), ср. *достать книгу с полки* (но не *достать со стола (если речь не идет о маленьком ребенке), со стола – *взять*); *вынуть* акцентирует то, что объект находился в закрытом пространстве (ср. [Апресян 1974: 160]): *достать из шкафа – с полки*; *вынуть из шкафа – *с полки*; *достать* тоже допускает закрытое пространство, но не требует его; наконец, *вытащить* помимо той же идеи перемещения из закрытого пространства в более открытое, что и *вынуть* (благодаря приставке *вы-*), подчеркивает контакт с поверхностью по пути движения объекта (из-за значения корня *тащить* – волоком и (обычно, но не всегда) тяжелое). Когда вы достаете кошелек из кармана, вы его все равно “тащите”, задеваете о поверхность, т.е. в ситуации этот признак есть, но глагол *достать* – это такой способ представления ситуации, который данный ее аспект не отражает.

Таким образом, разные глаголы могут “вырезать” из одной и той же ситуации разные аспекты, представлять разные ее модели, потому что содержание ситуации больше, чем содержание глагола.

Аналогичным образом ведут себя разные значения одного и того же глагола. Они тоже “вырезают” из исходной ситуации разные семантические конфигурации, но эти конфигурации применяются уже к другим, похожим ситуациям. Например, глагол *сорвать* (*цветок*) можно использовать для обозначения ситуации *сорвать шапку со стены / шапку с прохожего*. В действительности, ситуацию “снятия” можно было бы обозначить и другим глаголом, но глагол *сорвать* по целому ряду признаков подходит для обозначения такого вида “снятия”: предмет берут рукой и перемещают резким движением (рывком), хотя он и не “прикреплен” к месту, как цветок или плод. Еще больше подходит этот глагол для обозначения ситуации *сорвать погонь*, которые, в отличие от шапки, еще и прикреплены к месту, хотя и не так, как цветок или плод.

Таким образом, знак ситуации выступает в качестве посредника, способа извлечения из исходной структуры компонентов, подходящих для описания и осмысления других ситуаций. И поскольку сами эти ситуации имеют значительное сходство, то и соответствующие им значения имеют значительную общую часть. Поэтому в лингвистических описаниях их удобно представлять как образованные, “произведенные” одно от другого (ср. [Падучева 2000]). И применительно к таким значениям никто не говорит об утрате семантических связей или о распаде слова.

Другое дело, когда с помощью слова, исходно относящегося к конкретной физической ситуации с физическими объектами, нужно обозначить абстрактную ситуацию. Например, глагол *вести* (*отряд через лес, ребенка в школу*) используется для обозначения ситуаций *вести урок*; *вести переговоры*. Глагол физического движения, вообще говоря, не лучшее средство для обозначения нефизического процесса, но, с точки зрения говорящих, из исходной ситуации “управляемого движения” все-таки можно извлечь подходящую абстрактную схему для концептуализации таких ситуаций, как *вести урок*.

Исходная физическая ситуация X *ведет* Y-а характеризуется множеством признаков: X знает дорогу, X (обычно) идет впереди (ср. *вести за собой*); Y не знает дорогу или по каким-то другим причинам не может двигаться самостоятельно (иначе бы он шел сам); движение Y-а в правильном направлении (и, следовательно, достижение конечной точки – цели) ЗАВИСИТ от X-а. Из этого множества признаков исходного фи-

зического движения для концептуализации нефизической ситуации можно использовать только очень общую и абстрактную идею “осуществлять контроль процесса, направлять ход процесса в нужную сторону”. В другом значении – *К беде неопытность ведет* – используется идея «от X-а зависит достижение конечной точки и происходящего в ней события; наличие X-а задает, обуславливает “движение” в “направлении” этой “точки” (события)». Есть другой глагол “совместного”, одновременного движения – *следить* (идти не впереди, как в случае *вести*, а сзади, “по следам”, ср. [Падучева 2004: 234]), и из него извлекается другая схема – не “управлять процессом движения”, а просто “регистрировать происходящие события” (*следить за чайником; следить за событиями*).

Таким образом, дело не в том, что значения теряют связи друг с другом и происходит “распад” слова, а в том, что сами ситуации очень слабо связаны и очень мало похожи: абстрактная ситуация слишком далеко отстоит от физической, чтобы иметь с ней сколько-нибудь существенное сходство.

К словам экспериенциальной сферы – предикатам ощущения, восприятия, эмоционального состояния, знания, мнения – понятие прототипической ситуации в том виде, в каком оно используется в энергетической сфере, неприменимо. Состояния, обозначаемые словами *больно, тяжело, страшно, весело, видеть, слышать, понимать* и под., – внутренние, “невидимые”, и мы не можем получать информацию об их устройстве и содержании таким же способом, как о физических ситуациях, т.е. путем непосредственного наблюдения. Зато “видимыми”, воспринимаемыми, известными являются другие ситуации, связанные с внутренними состояниями, т.е. их “денотативное окружение”. Поэтому при описании экспериенциальных состояний (ощущений, восприятия, эмоциональных реакций) под ситуацией можно понимать те внешние условия, в которых эти состояния возникают. Например, очень трудно описать состояние “тяжело”, но можно описать прототипическую ситуацию взаимодействия человека с тяжелыми объектами; нельзя охарактеризовать состояние “видеть” подобно тому, как мы характеризуем ситуации типа “сорвать цветок” или “вытащить кошелек”, перечисляя элементы, из которых эти ситуации состоят, “построены”, но можно охарактеризовать ситуацию зрительного восприятия: органы восприятия, условия восприятия, типы воспринимаемых объектов; сами же внутренние состояния характеризуются обычно косвенно: чем они отличаются друг от друга (*видеть* от *слышать, знать* от *понимать*), в чем они проявляются (например, что может сказать человек, находящийся в таком состоянии, – этот способ описания широко использует, например, А. Вежбицкая [Вежбицка 1986]); аналогичным “косвенным” способом часто описывают эмоциональные состояния и реакции – через ситуации, которыми они вызваны, и через внешние (телесные, речевые и т.д.) проявления (ср. [Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1993; Иорданская 1970; 1972; Wierzbicka 1980; 1990]).

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СФЕРА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛОВ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Основной класс предикатов энергетической сферы – глаголы физического действия (агентивные каузативы). Этот класс является самым представительным и по количеству единиц, и по многозначности отдельных единиц, и по разнообразию значений многозначных слов (что, конечно же, не случайно).

Глагол физического действия в исходном значении описывает определенный **тип изменения** физического объекта в результате определенного **типа воздействия**.

Бесприставочные глаголы НСВ *бить, рвать, тереть, мести* и т.д., которые мы условно называем глаголами способа, можно считать естественной языковой классификацией основных способов (типов) воздействия человека на физические объекты (в том числе – собственное тело или тело другого человека) с целью их изменения. Приставочные дериваты этих глаголов (*разбить, вытереть, смести* и т.д.), соответственно, являются естественной классификацией основных типов результатов, возникающих при применении этих способов к разным типам объектов, т.е. классификацией

типов изменений объекта. Эта классификация могла бы быть другой. Например, действия *тереть* и *мести* могли бы обозначаться одним глаголом. Однако в русском языке существует именно такая естественная классификация действий. Это классификация в с е х ситуациях, в той или другой степени подводимых под данные схемы. И наоборот, это те схемы, под которые человек будет подводить другие ситуации.

Сама схема измениться не может, поскольку это тот же самый глагол, меняются только актанты; другое дело, что из глагола может извлекаться не одна схема, а несколько (см. ниже).

Разумеется, эти глаголы могут объединяться в более крупные классы, обозначающие одинаковые типы изменений. Но даже каждый отдельный глагол – это уже тип изменения, под который можно подвести разные ситуации, соответствующие разным значениям этого глагола.

Основные типы изменений:

удаление Объекта-предмета из исходной точки (*сбить яблоко с ветки, выполоть сорняки*);

удаление Объекта-вещества с поверхности (*стереть помаду с губ*);

извлечение Объекта-вещества из вместилища (*выдавить пасту из тюбика*);

прикрепление Объекта-предмета (*приклеить марку; пришить пуговицу; приколоть значок*);

нанесение Объекта-вещества на поверхность (*мазать масло на хлеб*);

обработка Объекта-места (*вытереть стол; намазать спину мазью; выполоть грядки*);

деформация Объекта-предмета (*разбить, пробить, проколоть, порвать*);

преобразование Объекта (*тереть морковь, тереть краски*) и т.п.

Кроме того, возможны более кардинальные изменения – создание и уничтожение Объекта.

Таким образом, классы удаления, нанесения, извлечения, обработки, деформации и т.п., которые обычно рассматриваются как семантические подклассы глаголов действия, могут рассматриваться и как семантические модели (схемы изменения), которые применяются к другим ситуациям с другими объектами, либо служат источником для других, производных (импликативных) моделей (например, удаление вещества → уничтожение вещества, см. ниже). Совокупность таких моделей (семантических схем) и есть тот арсенал, тот “когнитивный словарь”, которым располагают говорящие для осмысления и описания происходящих в мире изменений, для концептуализации ситуации разных типов и разной природы.

Агентивные значения

Основные модели изменений заложены уже в глаголах способа (типа воздействия). У каждого типа воздействия есть свой потенциал: воздействуя определенным способом, можно достичь разных результатов (а) применительно к разным участникам той же самой ситуации и (б) применительно к разным типам участников. Например, способом ТЕРЕТЬ можно удалить вещество и тем самым обработать (очистить) поверхность (*тереть тряпкой грязную стену; оттереть пятно; стереть пыль; вытереть стол*) или, наоборот, нанести вещество и обработать поверхность (*натереть спину мазью*); способом БИТЬ (ударом/ударами) достигаются следующие результаты (как намеренные – цели, так и ненамеренные – случайные результаты): ущерб живому (*избить/побить младшего брата; отбить ладони*); уничтожение живого (*бить рыбу острогой*); ущерб/уничтожение неживого (*разбить телегу; разбить вазу*); преобразование/создание (*сбить ящик из досок; сбить масло*); удаление/отделение/ликвидация контакта (*сбить яблоко с ветки; выбить пробку из бутылки; отбить носик чайника*); прикрепление/каузация контакта (*вбить колышек; прибить табличку*); извлечение звука и создание “текста” (*бить в барабан; отбить побудку, метонимически – отбить телеграмму*).

Однако сами по себе глаголы способа семантически акцентируют только тип воздействия; тип изменения – это их импликация. И эта импликация в глаголе СВ “проясняется” приставкой. Таким образом, потенциал способа в русском языке реализуется главным образом за счет приставочных глаголов СВ (*стереть, натереть, потереть, вытереть, растереть, оттереть, протереть, обтереть* и т.д.). Приставочные глаголы, в свою очередь, объединяются в семантические классы уже не по способу, а по типу результата (в частности, по значению приставки, но не только): в один класс попадают глаголы, обозначающие одинаковый результат, достигаемый разными способами: *смыть, стереть, смести, сбить* – удаление разными способами; *прибить, приклеить, приколоть, пришить* – прикрепление разными способами.

Кроме импликаций, реализуемых приставками, каждый способ обладает своего рода семантическим ореолом, который является важным источником образов для метафорических значений. Причем способы воздействия, которые с физической точки зрения можно было бы отнести к одному классу (давления – “жать” и “давить”, деформации – “рвать” и “резать”), имеют существенно разные наборы импликаций. Так, глаголы группы *жать* будут содержать идею усилий (*Нажмем, ребята*), а глаголы группы *давить* – идею отрицательного воздействия (в том числе – психологического), ущерба или даже уничтожения (*давить на администрацию; подавить восстание; в подавленном состоянии; раздавлен горем*); группа *рвать* – идею насильственного прекращения, ликвидации естественных органических связей и контактов (*оторвать от семьи; оторвать взгляд; порвать отношения*); группа *резать* – идею окончательности и невозвратности (*Мы отрезаны от своих – нельзя соединиться; Нем! – отрезал он* – нельзя вернуться к обсуждению).

Результат действия, а значит, и семантические схемы, извлекаемые из прототипической ситуации, существенным образом зависят от свойств актантов, в первую очередь – Объекта. Именно поэтому одним и тем же способом можно достичь разных (в том числе – противоположных) результатов, а разными способами (применительно к разным типам Объектов) – сходного результата (*стереть пыль / смести снег с валенок / сорвать погоны / сбить яблоко* – удаление вещества/объекта). Основные признаки Объекта, которые влияют на результат и на его интерпретацию, – это (а) онтологические классы Объектов: предметы и вещества и их подклассы (натуральные классы и артефакты; нежидкие и жидкие вещества); (б) исходное состояние (положение) Объекта: свободный – фиксированный контакт с Местом (прикрепленность), ср. *снять vs. сорвать*; (в) более частные характеристики Объекта: очень важной характеристикой Объекта является его тяжесть или другие причины сопротивления воздействию, требующие от Субъекта специальных, маркированных усилий и имеющие специальные обозначения (*сбросить vs. свалить; нести vs. тянуть / тащить*); семантическая схема изменения зависит также от (г) характеристики Места: поверхность vs. вместилище, ср. *стереть пыль со стола vs. выдавить пасту из тубика*.

Например, есть общая семантическая схема УДАЛЕНИЕ ОБЪЕКТА, ликвидация его контакта с Местом. В результате альтернации типа Объекта (предмет vs. вещество), типа Места (поверхность vs. вместилище), типа контакта Объекта с Местом (свободный vs. фиксированный) у этой схемы изменения возникают варианты (модификации, конкретизации): удаление предмета (*сбить яблоко; сорвать погоны*); удаление вещества/массы с поверхности (*стереть пыль с тумбочки; смести крошки со стола*); удаление вещества из вместилища (*выбить пепел из трубки*).

И схемы изменений, и их импликации являются, в конечном счете, интерпретациями. Интерпретация изменения зависит не только от свойств объектов, но и от целей человека. Например, сама схема УДАЛЕНИЕ является, в свою очередь, конкретизацией более абстрактной схемы ‘ликвидировать контакт Объекта с Местом и каузировать последующее перемещение Объекта’. Эта абстрактная схема осмысливается как “удаление” потому, что цель человека – “удалить”, т.е. сделать так, чтобы Объект перестал находиться в исходной точке (т.к. Объект не нужен человеку в этом месте или вообще ненужный).

Если Объект нужный (вообще) или нужен человеку, удаление Объекта из исходного положения может имплицировать ПОЛУЧЕНИЕ этого Объекта Субъектом (*сорвать яблоко – для себя; вырвать сумку – отнять, получить в свое распоряжение; выжать сок из лимона*).

Удаление прикрепленного, или укрепленного, или “устойчивого” Объекта может имплицировать НАРУШЕНИЕ исходного состояния (*сбить с ног*).

Удаление вещества может имплицировать его УНИЧТОЖЕНИЕ, поэтому глаголы, обозначающие удаление вещества с поверхности (*стереть пыль с тумбочки; вытереть пот*) могут обозначать и уничтожение Объекта (*стереть надпись, вытереть лужу* – обычно такой объект находится на поверхности и/или состоит из вещества).

Удаление вещества с поверхности или из вместилища может имплицировать ОБРАБОТКУ Места, “очищение” (*вытереть пыль → вытереть тумбочку; выбить пепел из трубки → выбить трубку*). Однако такую интерпретацию получает только удаление ненужного вещества. Извлечение нужного вещества тоже имплицировало изменение состояния Места-вместилища (*выжать сок из лимона → выжать лимон*), но это изменение не рассматривается человеком как обработка (т.е. “улучшение” состояния) Места-вместилища⁵.

Получается следующий набор основных возможностей схемы “ликвидация контакта, удаление из исходного положения” (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Из таблицы 2 видно, что “удаление/отделение” и “извлечение/получение” есть как у предмета, так и у вещества, а импликация изменения Места – только у вещества. Это связано, видимо, с тем, что удаление вещества более кардинально меняет состояние Места, чем удаление предмета, т.к. вещество, в отличие от предмета, имеющего контакт с Местом в одной точке, занимает всю поверхность Места или весь объем вместилища. Это изменение Места аналогично ситуациям, описываемым глаголами полного охвата [Апресян 1974: 279–280; Падучева, Розина 1993]. Удаление предмета тоже может вызывать изменение состояния Места, но тогда это будет множество, масса предметов, ср. *оборвал все яблоки с яблони → оборвал всю яблоню*.

⁵ Соотношения значений типа деформация / каузация (*долбить дерево – улей*), обработка / ликвидация (*вытирать глаза – пот*), обработка / удаление (*полоть грядки – лебеду*), обработка / каузация (*варить картошку – суп*) и мн. др. описаны в [Апресян 1974: 203–210]. Однако там они рассматриваются как примеры регулярной многозначности. В рамках нашей темы подобные пары значений – лишь один из результатов использования основной семантической схемы и импликаций, извлекаемых из соответствующей прототипической ситуации, а именно, результат действия метонимических и имплицитивных механизмов (принципа связи). Для нас существенно, что та же самая семантическая схема будет эксплуатироваться и в значениях, базирующихся на аналогии – денотативной или метафорической, см. ниже.

	УДАЛЕНИЕ, ОТДЕЛЕНИЕ → ОБЪЕКТА	ОБРАБОТКА, ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТА
УДАЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА сверху или с поверхности прикрепленного предмета "укрепленного" предмета	<i>сбить яблоко с ветки</i> <i>сорвать объявление</i> <i>выбить пробку из бутылки</i> <i>вырвать больной зуб</i>	
ОТДЕЛЕНИЕ части или прикрепленной детали	<i>отбить горлышко ампулы</i> <i>оторвать пуговицу</i>	
УДАЛЕНИЕ ВЕЩЕСТВА с поверхности	<i>стереть пыль с тумбочки</i> <i>смыть шампунь с головы →</i> <i>смести снег с валенок</i>	<i>смыть голову (разг.)</i>
полностью из вместилища	<i>вытереть пыль со стола →</i> <i>выбить пепел из трубки →</i> <i>выжать воду из тряпки →</i>	<i>вытереть стол</i> <i>выбить трубку</i> <i>выжать тряпку</i>
ИЗВЛЕЧЕНИЕ ВЕЩЕСТВА путем удаления из вместилища	<i>выжать сок →</i> <i>выдавить пасту →</i>	<i>выжать лимон</i> <i>выдавить тюбик (разг.)</i>
ПОЛУЧЕНИЕ ПРЕДМЕТА путем ликвидации контакта с Местом	<i>вырвать сумку у кого</i> <i>сорвать себе яблоко</i>	

Благодаря альтернации признаков актантов и смещению акцента в рамках одной и той же ситуации у глагола может быть несколько агентивных значений:

(а) денотативная альтернация (различаются признаки Объекта и Места):

выжать воду из тряпки – удаление ненужного;

выжать сок из лимона – извлечение нужного;

стереть пыль с тумбочки; стереть помаду с губ – удаление ненужного;

стереть надпись с доски – уничтожение;

(б) внутренняя (актантная) метонимия:

выжать воду – *выжать тряпку*,

выжать сок – *выжать лимон*.

У глаголов ДЕФОРМАЦИИ нет альтернации "предмет/вещество", поскольку деформации (изменению, разрушению формы) подвержены только имеющие форму предметы, но не "бесформенные" вещества. Рассмотрим две схемы деформации: нарушение целостности путем создания отверстия (*пробить / прорвать / проколоть картон*) и деление на части (*разбить копилку, разорвать письмо*).

Внутреннюю метонимию имеет только первая схема: нарушение целостности Объекта путем создания отверстия → создание отверстия:

пробить лед → *пробить лунку*;

прорвать картон → *прорвать дыру*.

Во второй схеме (нарушение целостности путем деления на части) такого метонимического сдвига нет (возможно, потому, что результат – части – имеет синтаксическое выражение уже в исходном значении: "на части"). Но смещение акцента с целого на части в рамках исходной физической ситуации происходит, благодаря чему из нее извлекаются две разные производные семантические схемы: а) нарушение целостности исходного объекта (*разбить копилку*) и б) создание частей из целого (*порвать рубаху на лоскуты*).

В метафорических значениях используются обе эти схемы:

разбить надежды – разрушение целого;

разбить отряд на группы – создание частей.

Типичными импликациями нарушения целостности являются:

– ущерб: *порезать палец, порвать рукав*;

– уничтожение: *разбить чашку, сломать сарай*;

– прекращение функционирования, невозможность использования (для артефактов): *разбить часы* (поскольку часы имеют металлический корпус, их нельзя полностью “разбить”, просто от удара они перестают идти); *сломать выключатель* (вывести из строя).

Следует подчеркнуть, что модели изменений вовсе не являются результатом сочетания “всего со всем”, каждого признака с каждым другим признаком, т.е. не являются результатом механического “перемножения” признаков. Признаки с самого начала согласуются между собой: если Место – контейнер, то значение приставки – “движение изнутри наружу” (*вы-*): *выбить пепел из трубки*, если Место – поверхность – “движение сверху или с поверхности” (*с-*): *смести крошки со стола*; если у глагола нет актанта “Место” (ср. глаголы деформации *разбить, порвать*), значит, не будет и связанных с ним импликаций обработки Места.

Но главный и решающий фактор при интерпретации физического изменения – “антропоцентрический”. Типы изменений согласуются со способами обращения человека с объектами, с целями человека и с оценкой человеком полученного результата. Поэтому вряд ли имеет смысл рассматривать все теоретически возможные типы изменений. У глагола появляются те производные значения, которые предусмотрены исходной ситуацией и которые, кроме того, пропущены фильтром антропологических ограничений.

Например, теоретически у способа воздействия есть три результата: изменение, создание и уничтожение. Но поскольку человек обычно ничего не создает путем удаления объекта из какого-то места, то у глаголов удаления (*стереть, смести, оторвать, вырвать*) нет значения создания, и это не случайная лакуна, а закономерное отсутствие: такое значение “не предусмотрено” (ср. глагол *долбить*, у которого есть значение создания: *долбить, выдолбить дупло / лодку*; *долбить* не является глаголом удаления вещества, хотя обозначаемая им ситуация и включает такую денотативную составляющую).

Напротив, способом *мазать* или *красить*, т.е. способом нанесения, каузации контакта вещества с поверхностью, что-то можно создать – если не физический объект, то хотя бы семиотический (образ, рисунок). При этом у глагола *красить* тоже нет значения создания, однако это случайная лакуна: у него вполне могло бы быть значение ‘рисовать, писать красками’, в его парадигме есть соответствующая “клетка”, хотя и пустая. А у глагола *мазать* эта клетка не пустая, у него есть значение ‘писать красками’, хотя и устаревшее.

Кроме того, “человеческий фактор” (цели и ценности человека) является решающим при интерпретации самой схемы изменения, и в результате одно и то же физическое изменение может иметь для человека разные, а иногда и противоположные смыслы: *выжать воду из тряпки* – это ‘удаление ненужного’, а *выжать сок из лимона* – ‘извлечение нужного’.

Наряду с отсутствием ожидаемых значений (“пустых клеток”) встречается противоположная ситуация – наличие “неожиданных”, “сверхсхемных” значений, не предусмотренных семантическим потенциалом данного семантического класса. Например, для глагола *лаять* значение “речь человека” (*Его облаяла продавщица*) является системным, поскольку исходно этот глагол обозначает звук, издаваемый животным, и многие подобные глаголы развивают речевое значение (ср. *промычать, скулить, тявкать, гавкать, выть* и т.п.). У глаголов деформации речевое значение прямо не обусловлено потенциалом прототипической ситуации, поэтому те речевые значения, которые все-таки встречаются у глаголов деформации (*Его постоянно пилит жена; резать правду в глаза*) выглядят несистемными и случайными.

Расширение

Типы изменений (семантические схемы), выделенные из исходных значений и ситуаций, распространяются на другие типы ситуаций – не-действия (неагентивные ситуации физического мира: природные процессы, физические воздействия предметов и природных сил, случайные результаты деятельности человека) или “метафорические действия” (*выбить фонды на цемент; пробить командировку в Швейцарию*).

Основной принцип языкового расширения для слов энергетической сферы – АНАЛОГИЯ: распространение знака одной ситуации на другую ситуацию на том основании, что у этих ситуаций усматривается сходство.

Одновременно с изменением типов актантов (устранением агентивности) меняется и тип ситуации: действие → происшествие; действие → процесс.

Механизм переноса по аналогии дает два основных типа производных значений: **денотативная аналогия** и **метафорическая аналогия**.

Денотативная аналогия обозначает случайный результат того же типа воздействия. При денотативной аналогии сохраняется тип воздействия и тип изменения, но исчезает цель: *Ураган вырвал дерево с корнем; Пуля пробилла дверь*.

Денотативную аналогию можно рассматривать как редукцию более сложного и семантически богатого предиката физического действия. Такой взгляд диктуется антропоцентрическим подходом человека к описанию внешнего мира. В действительности, конечно, первичными являются объективные свойства предметов и типы воздействий, которые существуют в физическом мире и могут производиться как механизмами, так и природными объектами и силами (удары, трение, движение, воздействие воды и других веществ, например клеящих, и т.д.). А человек просто использует их в своих взаимодействиях с физическим миром, приспосабливает для достижения своих целей, т.е., скорее, он сам “подражает” физическому миру, действует по аналогии с природными процессами. В языке же все наоборот: большинство обозначений природных процессов и событий являются вторичным употреблением предикатов человека, его действий (*Дворник метет улицу – Платье метет мостовую; бить кого по лицу – Ветки били по стеклу*). Именно такая точка зрения представлена словарями, где сначала даются агентивные значения, а затем – неагентивные.

При этом не важно, какое значение исторически является исходным – агентивное или неагентивное (возможно, что в эпоху синкретизма они вообще не различались). Важно, что в современном языке исходной точкой как для говорящих, так и для лексикографов является агентивное значение: наиболее сложной и богатой ситуацией предстает именно действие человека, а все остальные ситуации могут рассматриваться как редукция этой исходной ситуации, утрата каких-то признаков действия.

Денотативная аналогия имеет две разновидности по типу каузатора: (а) каузатор – действие лица (не имевшего такой цели), т.е. случайный результат какой-либо деятельности (*разбить чашку, порезать / обжечь палец*); (б) каузатор – воздействие природной силы, движущегося предмета или вещества (*Ветер порвал провода; Пуля пробилла дверь; Волна смыла ящик в море*).

Результат денотативной аналогии типа (а) часто интерпретируется как УЩЕРБ. Ущерб – категория ценностная. Физически происходит просто изменение объекта, но человеком оно воспринимается как ухудшение состояния объекта, частичная или полная потеря им полезных свойств. Для агентивных ситуаций такая интерпретация результата не характерна. Это не значит, что действие не может иметь “плохих” результатов: Агенса может разрушать, рвать, ломать, разбивать объект. Однако этот результат все равно является конструктивным, потому что соответствует цели: уничтожая ненужный для себя объект, Агенса тем самым “улучшает” мир, приводит его состояние в соответствие со своими требованиями.

Случайный же результат – это нарушение исходного состояния, нарушение баланса, равновесия в мире, которое устраивало человека (раз он не пытался сам его изменить). Случайное изменение не соответствует планам и целям человека, т.е., как ми-

нимум, лишнее, ненужное (и в этом смысле не улучшающее состояние мира), а очень часто случайные изменения наносят прямой ущерб интересам человека: *порезать палец; сбить каблуки* (приведение в негодность используемого предмета, невозможность дальнейшего использования).

Конечно, случайный результат может оказаться полезным для человека: рыл яму и вырыл клад. Однако из опыта известно, что процентное соотношение хороших и плохих случайных результатов не в пользу первых.

Денотативная аналогия может иметь две аспектуальные разновидности: результат однократного воздействия, ср. *разбить вазу*, и результат длительного воздействия, ср. *разбить телегу; сбить каблуки, стереть / протереть локти на пиджаке*. Вторая разновидность не связана непосредственно с агентивным значением приставочного глагола, а является реализацией потенциала бесприставочного глагола воздействия (блос → разбито; терлось → стерто).

С когнитивной точки зрения денотативная аналогия – это довольно механическое приспособление агентивных глаголов для обозначения неагентивных ситуаций просто на том основании, что у этих ситуаций есть общая (совпадающая) “материальная” часть. И здесь задача лингвистического описания сводится к тому, чтобы выяснить, какие фрагменты исходного значения используются в производных значениях.

Метафорическая аналогия, напротив, имеет когнитивную природу: обозначения физических воздействий и изменений нельзя механически использовать для описания информационных взаимодействий и событий. Сходство таких ситуаций неочевидно. И здесь задача – выяснить, какие концептуальные схемы и структуры может предоставить исходное значение и физическая ситуация для осмысления информационной ситуации, для описания взаимодействия людей и объектов в нефизической сфере. Метафорическая аналогия может описывать не только нефизические ситуации (*сбить с толку; выбить фонды на цемент*), но и физические изменения: *Бомбежки стерли город с лица земли; Огонь батарей смел противника с исходных позиций*. Этот случай отличается от денотативной аналогии, так как происходит метафоризация способа (“как если бы стерли”; “как будто метлой”), тогда как денотативная аналогия – это похожий тип изменения от того же самого типа воздействия.

В метафорических значениях глаголов, производных от глаголов способа, даже если “новые” ситуации уже не содержат ничего физического, семантическая связь со способом сохраняется, поскольку метафоризируется именно способ (тип воздействия): *отбить жениха; отбить охоту; выбить дурь из кого* – как бы ударом/ударами. Что же касается самих концептуальных схем изменений (‘ликвидировать контакт’, ‘нарушить’, ‘прекратить’, ‘уничтожить’, ‘начать иметь’), то они абсолютно ничего метафорического, образного, “переносного” не содержат: это абстрактные предикаты, которые проецируются в разные пространства с разными типами объектов; например, в случае *разбить чашку* (‘уничтожить’) и *разбить надежду* (‘уничтожить’) – одно и то же ‘уничтожить’. Метафорический эффект возникает за счет того, что исходно физические предикаты применяются к объектам другой природы; при этом “физическая” часть значения (например, ‘удар’) не утрачивается, а используется для того, чтобы, наряду с абстрактным предикатом типа ‘уничтожить’, приписать абстрактным объектам еще и сходство с физическими объектами (‘хрупкое, бьется от удара’).

У метафорической аналогии можно выделить разные типы, например, изобразительную метафору (“кальку”): *Бомбардировки стерли город с лица земли* и когнитивную (генерализующую) метафору: *сбить цены* (ср. [Аругюнова 1979]), – однако между этими типами нет сколько-нибудь четкой границы. Речь, по-видимому, должна идти не столько о типах, сколько о различии в акцентах: в одних случаях важнее та “картинка”, наглядный образ, который создается изобразительной метафорой, в других – когнитивная схема, но при этом могут сохраняться и элементы образности. Например, *сбить температуру* означает не просто ‘понизить’, но сохраняет идею интенсивного воздействия, т.е. связь со способом *бить*, ср. также *сбить с толку* (в отличие от *вести в заблуждение*). Таким образом, метафорические аналогии – это, скорее, шкала, в конце которой находятся лексические функции (*поставить вопрос; вести переговоры*).

Таковы возможности номинативного и когнитивного расширения предиката энергетической сферы, т.е. его СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ.

Результат действия механизмов языкового расширения можно представить в виде приводимых ниже таблиц (таблицы 3, 4, 5).

Таблица 3

УДАЛЕНИЕ/ОТДЕЛЕНИЕ

	АГЕНТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	ДЕНОТАТИВНАЯ АНАЛОГИЯ	МЕТАФОРИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ
Удаление Ликвидация контакта	<i>сбить яблоко</i> <i>сорвать объявление</i>	<i>сбить повязку</i> <i>Ветер сорвал шапку</i>	<i>сбить спесь</i> <i>сбить цены ("вниз")</i> <i>сорвать погоню с кого</i>
Отделение	<i>оторвать пуговицу</i> <i>отбить горлышко</i> <i>отмыть грязь с рук</i>	<i>случайно оторвал уголок</i> <i>отбить носик чайника</i> <i>Толпа оттерла его от прилавка</i> <i>Вода отмыла отмель (= отделение)</i>	<i>оторвать взгляд</i> <i>оторвать кого от работы, от семьи</i> <i>отбить 40 индеек</i> <i>оттереть от наследства</i>
Удаление ненужного	<i>выбить пробку</i> <i>выбить пепел</i> <i>вырвать зуб</i> <i>выжать воду</i> <i>выдавить раму</i> <i>выдавить пасту</i> <i>выдавить гной</i> <i>смыть грязь</i> <i>вытереть слезы</i> <i>стереть пыль</i> <i>смести крошки со стола</i>	<i>выбить поднос из рук</i> <i>Ураган вырвал дерево с корнем</i> <i>Льды выжали корму</i> <i>Волна смыла ящик с палубы</i> <i>Ветер смел снег с крыльца</i>	<i>выбить дурь из кого</i> <i>вырвать измену с корнем</i> <i>выдавить кого из правительства</i> <i>смыть обиду кровью</i> <i>Батареи смели против- ника шрапнелью</i>
Нарушение исх. состояния	<i>сбить самолет</i>	<i>сбить кого с ног;</i> <i>сбить прицел; машина сбила</i>	<i>сбить со следа, со счета, с толку</i>
Ущерб Повреждение	<i>выбить стекло</i>	<i>выбить стекло; глаз</i> <i>сорвать резьбу</i>	<i>сорвать голос</i> <i>сорвать урок</i>
Уничтожение	<i>смыть рисунок</i> <i>стереть надпись</i> <i>вытереть лужу</i> <i>оттереть пятно</i>	<i>Дожди смыли надпись</i>	<i>Время стерло грани;</i> <i>Бомбежки стерли город с лица земли;</i> <i>Ураган смел палаточ- ный лагерь;</i> <i>отбить запах, охоту</i>
Извлечение нужного Получение	<i>сорвать шапку</i> <i>вырвать сумку</i> <i>выжать сок</i> <i>выдавить пасту</i>		<i>сорвать куш</i> <i>вырвать признание</i> <i>оторвать путевку</i> <i>выбить фонды</i> <i>отбить жениха</i> <i>выжать все из У</i> <i>выдавить улыбку</i>

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ-ДЕФОРМАЦИЯ

	АГЕНТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	ДЕНОТАТИВНАЯ АНАЛОГИЯ	МЕТАФОРИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ
Преобразование Деформация	<i>пробить картон</i>	<i>Пуля пробила дверь</i>	<i>Пробить стену недоверия</i> <i>Лучи пробивли тучу</i>
	<i>прорвать холст</i>	<i>Вода прорвала плотину</i>	<i>Прорвать кольцо окружения</i> <i>Ее прорвало</i> <i>Крик прорезал тишину</i>
Создание отверстия	<i>прорезать ткань</i> <i>пробить лунку</i> <i>прорвать дыру</i>		<i>пробить командировку (получение)</i>
Преобразование (части)	<i>Разорвать лист</i> <i>сломать карандаш</i> <i>разрезать арбуз</i> <i>нарезать ветчины</i>	<i>Ветер сломал ветку</i>	<i>нарезать земли</i> <i>разбить на группы</i>
Ущерб		<i>разбить затылок, часы</i> <i>порезать палец</i> <i>порвать рукав</i>	
Уничтожение	<i>разбить копилку</i> <i>порвать письмо</i> <i>разорвать письмо</i> <i>сломать сарай</i>	<i>разбить чашку</i>	<i>разбить сердце, надежды</i> <i>разорвать отношения</i>

ДАВЛЕНИЕ

	АГЕНТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	ДЕНОТАТИВНАЯ АНАЛОГИЯ	МЕТАФОРИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ
Воздействие	<i>сжать пружину</i> <i>сжать карандаш</i> <i>сдавить запястье</i> <i>нажать на кнопку</i> <i>надавить на плечо</i> <i>прижать ружье к плечу</i> <i>придавить бумагу</i> <i>камнем</i>	<i>Спазмы сжали горло</i> <i>Спазмы сдавили горло</i>	<i>сжать текст</i> <i>Страх сжал душу</i> <i>Тоска сдавила сердце</i> <i>нажать на министерство</i> <i>нажать на учебу</i> <i>надавить на админист-</i> <i>рацию</i> <i>прижать олигархов</i> <i>цензура придавила поэтов</i>
Ущерб		<i>Его придавило бревном</i> <i>придавить палец дверью</i>	<i>Горе придавило его</i> <i>раздавлен горем</i>
Уничтоже- ние	<i>Танк раздавил дзот</i> <i>раздавить ягоды</i>	<i>Стена раздавила рабочих</i> <i>раздавить коробочку</i>	

Из этих таблиц видно, что денотативная аналогия занимает особое место среди других типов значений слов. А именно: она реализует самую общую схему изменения. Например, *выбить* (случайно) *поднос у кого-либо из рук* – это просто “перемещение/удаление из исходной точки” (хотя и того же типа, что *выбить пробку из бутылки*: предмет “вылетает” в результате удара). Другие значения этого ряда – агентивные и метафорические – реализуют более частные варианты этой схемы: *выбить пепел из трубки*; *выбить дурь из кого* – “удаление ненужного”. Поскольку эти частные модификации схемы связаны с целями человека и его оценками свойств объектов, то они, по понятным причинам, не нужны для денотативной аналогии и обычно неприменимы к ней.

Из этих таблиц также следует, что семантическая парадигма многозначного слова не является совокупностью случайных и непредсказуемых результатов семантического развития, так сказать “собранием пестрых глав” (как это можно было бы заключить из сравнения словарных толкований значений слова, часто не имеющих не только общих компонентов, но вообще никаких намеков на сходство). Непредсказуемыми (и то до известной степени) являются только участники той новой ситуации, к которой человек применяет имеющийся у него предикат. Что касается семантической схемы, используемой для интерпретации отношений между этими участниками, то ее не только можно “предсказать”, – ее, строго говоря, и не нужно предсказывать: это будет именно та схема, которая была в исходном значении и ситуации, или ее семантическая модификация; и эта схема будет обнаруживаться как у неметафорических значений, так и у метафорических (которые традиционно считаются наиболее “случайными” и непредсказуемыми).

Таким образом, значения многозначного слова являются не только предсказуемыми и неслучайными, но и образуют систему в том смысле, что большинство из этих значений реализует одну и ту же семантическую схему.

Глаголы перемещения объекта

Глаголы перемещения Объекта (*поставить, положить, бросить, поднять, снять, передвинуть, вынести*) являются подклассом действий и по основной схеме (‘перемещение объекта’) близки глаголам каузации/ликвидации контакта Объекта с Местом типа *сбить, сорвать, прибить, намазать*. Строго говоря, каузация/ликвидация контакта Объекта с Местом – это тоже перемещение, просто глаголы типа *сорвать* или *натереть* “нагружены” еще семантикой воздействия и специальной целью Агенса, не сводящейся к перемещению Объекта (получение Объекта в свое распоряжение, обработка Места и под.). Глаголы перемещения Объекта класса *поставить* в этом смысле существенно отличаются от глаголов воздействия: происходящее с Объектом изменение касается только его местонахождения/положения в пространстве, но не затрагивает свойств Объекта и Места.

Поэтому собственный потенциал глаголов перемещения Объекта – потенциал их исходного значения – довольно беден. Из исходного значения извлекается, по существу, одна-единственная схема: ‘переместить Объект из исходной точки в конечную’. У некоторых глаголов эта исходная схема имеет два семантических акцента: (1) ‘удалить из исходной точки’ (ОТКУДА), ср. *выбросить старые ботинки, сбросить апатию*, и (2) ‘переместить/поместить в конечную точку’ (КУДА), ср. *выбросить руку вперед; сбросить вещи в телегу*. Другие глаголы перемещения Объекта имеют фиксированный акцент: *поставить, положить* – ‘поместить КУДА’.

У некоторых глаголов контролируемого перемещения Объекта – например, *ставить* и *класть* – преобладают производные значения, полученные в результате **специализации**, что, вообще, не характерно для глаголов действия: эти производные значения, по существу, представляют собой (отражают) классификацию типов объектов со специальными свойствами и функциями, которые человек *кладет* и *ставит*, и целей человека:

положить человека в больницу: поместить **больного** в лечебное учреждение для **лечения**;

положить деньги в банк: поместить **ценность** в специальное место для **хранения**;

поставить горчичники/банки: поместить **лечебное средство** на определенную часть тела с целью достижения лечебного эффекта, т.е. для **лечения**;

поставить капкан на лис; *поставить счетчик*: поместить (установить) в определенном месте для **функционирования**.

Таким образом, это те же самые предметы, которые обслуживались исходным значением (ср.: *положить больного на кровать*; *положить деньги в карман*; *поставить капкан на пол*), но в своих специальных качествах и функциях⁶.

Кроме того, для производных значений глаголов перемещения Объекта, поскольку у них не “нагружена” схема “изменение Объекта”, характерна реализация импликаций, связанных с Субъектом (*сбросить пальто*, *сбросить вещи в телегу*, *свалить стулья в кучу* – ‘небрежно’; *бросить вещи без присмотра* – ‘безответственно’; *сбросить с себя груз ответственности*, *свалить с себя тяжелую обязанность*, *сбросить апатию*, *стряхнуть оцепенение* – ‘освободиться, “облегчить” свое собственное состояние’).

Итак, основной механизм, применяемый к словам с исходно “физическим” значением, – аналогия. При этом важно отметить, что внутренняя метонимия типа *человек режет ножом / нож режет* (внутри одной и той же ситуации) тоже, в конечном счете, базируется на аналогии, на отождествлении: нож и человек делают в каком-то смысле одно и то же – режут.

ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

В информационной сфере, неоднородной по составу предикатов, можно выделить внутреннюю сферу человека в собственном смысле (экспериментальную) и сферу межличностного взаимодействия – социального и речевого.

Например, глаголы речи – это особый класс информационных слов, который является, так сказать, ортогональным другим классам слов информационной сферы: глаголы речи не являются “продолжением” внутренних состояний, хотя и могут их выражать. С внутренними состояниями речь связывает только наличие пропозициональной валентности – валентности содержания. Однако содержанием этой валентности содержания может быть что угодно – и внутренние состояния, и физические действия, и вообще любые внешние события.

Речевые акты – это разновидность действий. Целью речевых действий, как и других действий, является изменение – изменение информационного состояния лица-Адресата (*сообщить*), изменение его внутренних установок (*убедить*, *доказать*) или побуждение его к действию (*попросить*, *приказать*). Социальные и межличностные взаимодействия, в конечном счете, тоже осуществляются на базе речи.

Ядром внутренней сферы человека являются экспериментальные состояния, выражаемые предикатами ощущения, восприятия, знания, эмоциональных состояний и реакций. Если роль человека в энергетической сфере (роль Агенса) активная – переме-

---

⁶ Поставщиком специальных обозначений предметов и ситуаций является не только семантический механизм специализации в сфере полисемии. Важным источником таких обозначений являются относительные прилагательные. Как отмечалось в работе [Павлов 1960], с помощью относительных прилагательных обозначаются разновидности, подклассы объектов (*книжный магазин* – *рыбный магазин*; *ручные часы* – *напольные часы* – *настольные часы*). Наконец, такими же специальными обозначениями лиц и предметов можно считать названия участников ситуации, производные от предиката данной ситуации (типа *лечить* – *лекарь* – *лекарство*) и, следовательно, характеризующие этих участников (у которых в других обстоятельствах и ситуациях могут быть другие признаки и функции) именно с точки зрения их роли в данной ситуации. Причем такие “ролевые” актантные обозначения не обязательно должны быть отглагольными, они могут быть и супплетивными (*лечить* – *врач*), ср. [Апресян 1974: 138].

щать, воздействовать, изменять, создавать, – то роль человека в экспериенциальной сфере (роль Экспериенцера), вообще говоря, пассивная: он ПОДВЕРГАЕТСЯ воздействию внешнего мира, результатом которого являются ощущения, а также перцептивные или ментальные СОСТОЯНИЯ: ощущать, чувствовать, видеть, слышать, знать. Даже если человек предпринимает какие-то активные действия (слушать, смотреть, узнавать), то результатом этих действий все равно будет не изменение мира, а изменение его собственного внутреннего состояния (услышать, увидеть, узнать).

Экспериенциальные состояния существенно отличаются от физических. Например, если вы сломали карандаш, состояние “карандаш сломан” будет существовать само по себе, экспериенциальные же состояния существуют только потому и до тех пор, поскольку и пока человек их испытывает: они должны постоянно “вызываться”, возобновляться, поддерживаться. В этом смысле экспериенциальные состояния, особенно ощущения и эмоции, похожи на процессы: человек чувствует боль, пока на него воздействует фактор, вызывающий боль; человек испытывает эмоциональное состояние, пока он думает о факте, вызвавшем это состояние.

С другой стороны, экспериенциальные состояния, по существу, двухместны, т.е. являются отношениями: *знаю, что P; вижу, что P; боюсь / страшно, что P* – это отношение между человеком и внешней ситуацией P, которой соответствует, с которой связано его внутреннее состояние.

Экспериенциальные предикаты существенно отличаются от предикатов физического мира и по типу обозначаемых ими ситуаций, и по способам распространения на другие ситуации.

Принципиальная особенность многих экспериенциальных предикатов состоит в том, что значения у них крайне бедные (например, глаголы восприятия типа *видеть* и *слышать* приближаются к семантическим примитивам или даже считаются таковыми), а ситуации, которые они обозначают, ненаблюдаемые. Поэтому из этих предикатов нельзя извлечь модель ситуации и использовать ее для описания других ситуаций, как в случае глаголов физического действия.

Таким образом, из двух составляющих семантического потенциала – “что можно извлечь из знака ситуации” и “к чему это можно применить” – остается одна: “к чему это можно применить”, т.е. на какие другие типы ситуаций можно распространить предикат внутреннего состояния человека. Причем заранее известно, что это будут ситуации совершенно другой природы.

В физической сфере тоже есть механизм распространения предиката физической ситуации на нефизическую: это происходит по аналогии (*вырвать признание; оторвать взгляд*). Но внутренние предикаты человека (*больно, грустно, видеть, знать, понимать* и т.п.) – это предикаты только человека⁷; их нельзя распространить по аналогии, потому что соответствующие состояния не имеют аналогов во внешнем мире.

Поэтому, если мы приписываем такой предикат физическому объекту (ср. *Лес грустит*), значит, мы просто рассматриваем данный объект как человека. Лес как совокупность деревьев не может испытывать чувство грусти. *Лес грустит* – это олицетворение (характерное главным образом для поэтической речи). Меняется только интерпретация объекта, с предикатом же никаких семантических преобразований не происходит: предикат человека остается предикатом человека⁸. Т.е. это не та аналогия, что в физической сфере: она ограничивается объектом и не затрагивает предикат. Таким образом,

⁷ В какой-то мере и в каком-то смысле некоторые экспериенциальные предикаты относятся и к высшим животным, но едва ли этот смысл полностью отождествим с человеческим.

⁸ Другое дело, что для приписывания физическому объекту эмоционального предиката должны быть какие-то внешние основания: если лес освещен солнцем или деревья шумят и гнутся от ветра, не скажут *Лес грустит*. Но тот факт, что грусть приписывается лесу на основании внешнего сходства с грустящим человеком, не приводит к образованию у глагола *грустит* особого значения, относящегося к лесу или другим физическим объектам, как это происходит при метафорическом переносе.

если в сфере освоения нефизических ситуаций с помощью предикатов физических ситуаций метафора стала когнитивным механизмом, то в сфере распространения внутренних предикатов на внешние объекты по “анalogии” (*Лес грустит*) олицетворение остается поэтическим приемом: оно создает не новое значение, а образ, не востребованный языком.

Основной принцип языкового расширения в экспериенциальной сфере – перенос по смежности, т.е., вообще говоря, метонимический: внутренний предикат человека распространяется (а) на внешние ситуации на основании СВЯЗИ между этими ситуациями (*вид из окна* – то, что можно *увидеть*) или (б) на другие, иерархические более “высокие” внутренние состояния – тоже на основании их связи, но уже в самой внутренней сфере человека (*Вижу, как он выходит из комнаты* → *Вижу, что он недоволен* – ‘понимаю’).

В целом основания, мотивы метонимического смещения в экспериенциальной сфере совсем другие, чем в физической. Для физической сферы характерна внутренняя метонимия (диатетические, конверсные преобразования) – смещение предиката от одного актанта к другому в рамках одной и той же ситуации: *выжать воду* – *выжать тряпку*. Это происходит потому, что предикат описывает отношения между всеми участниками, а не только между субъектом и объектом, так что все участники “имеют право” на этот предикат (хотя в норме в позицию объекта продвигается Место, и то не всегда). В экспериенциальной сфере происходит метонимическое смещение внутреннего предиката человека на внешнюю ситуацию принципиально другой природы.

Основные типы смежных ситуаций, с которыми связан предикат внутреннего состояния человека и на которые его можно распространить, – это ситуация, вызывающая данное состояние (КАУЗАТОР), и ситуация, выражающая, “проявляющая” это состояние (ЭКСПЛИКАТОР). А основные типы метонимических значений, образованных от предикатов внутренних состояний, – каузативное и экспрессивное⁹:

грустный пейзаж – ВЫЗЫВАЮЩИЙ чувство *грусти* у ЧЕЛОВЕКА;

грустный взгляд – ВЫРАЖАЮЩИЙ чувство *грусти* (состояние) ЧЕЛОВЕКА.

Таким образом, метонимическое значение в экспериенциальной сфере – это правило редукции, сведения к внутреннему состоянию человека. Это значение интерпретируется через отсылку к человеку. Данный механизм, по существу, идентичен механизму интерпретации значений относительных отсубстантивных прилагательных, которые тоже включают отсылку, только это отсылка к предмету (ср. *книжная обложка* – обложка *книги*; *книжный шкаф* – где хранятся *книги*; *книжный магазин* – где продают *книги*).

Еще один принципиальный для экспериенциальной сферы тип семантического сдвига – “повышение”, т.е. способность продвигаться вверх по иерархии внутренних систем человека: от более “низких” к более “высоким”. Если судить по результатам процесса “повышения”, внутренние состояния человека не образуют единой иерархии. Здесь обнаруживаются две линии, две подсистемы: ощущения–эмоции и восприятие–знание. Ощущения и эмоции – это реакции тела и души на внешние воздействия и события. Предикаты физиологических реакций (ощущений), ср. *больно, тяжело*, могут обозначать психологические состояния и реакции, а предикаты эмоциональных (психологических) состояний (*грустно, страшно*), в том числе и бывшие физиологические реакции (*больно*), могут продвигаться на еще более высокую ступень этой иерархии и обозначать пропозициональные установки-оценки (содержащие отсылку к эмоциям):

Мне больно; Тяжело нести чемодан – физиологические ощущения;

Мне страшно / грустно; Больно смотреть на это – эмоциональные реакции и состояния;

Больно, что мы расстались; Страшно, что он лжет; Грустно, что его нет – пропозициональное отношение-оценка факта.

⁹ Типы значений ‘выражающий X’ (*грустный взгляд*) и ‘каузирующий X’ (*грустное известие*) выделены в работе [Апресян 1974: 212].

Что касается восприятия, то оно сопровождается ощущения и эмоции, но само по себе является нейтральным: воспринимаемый факт может вызывать какую-то эмоцию (*приятно смотреть; страшно смотреть*), а может просто приниматься к сведению.

Поскольку восприятие является одним из главных источников формирования знаний, то естественно, что при продвижении по иерархии внутренних систем предикаты восприятия “повышаются” до предикатов знания: *Вижу, что он чем-то расстроен; Слышал, что он уехал*. В этой подсистеме высшей ступенью являются, по-видимому, пропозициональные установки – мнения, убеждения и под., которые формируются на базе знаний (и, вероятно, эмоций), но сами знаниями не являются.

У предикатов восприятия, прежде всего – зрительного восприятия, есть еще один способ “распространения” на внешний мир – включение их в значение других языковых единиц, описывающих внешние ситуации. Чаще всего это ситуации движения и местонахождения. Экспериментальная составляющая может включаться в такие ситуации как в явном виде, номинативно (*Показалась луна; Вдали виднеется лес*: ‘виден находящийся вдали лес’), так и в неявном виде, в качестве перцептивного компонента в семантике предиката (*встретить; пропасть; исчезнуть*, ср.: *X встретил Y-а – X шел и увидел Y*). Это позволяет создать эффект присутствия человека-Наблюдателя: такие смешанные предикаты обозначают воспринимаемое местонахождение, наблюдаемое движение, ср.: *Луна показалась из-за тучи vs. Луна вышла из-за тучи*. Такой же эффект дает употребление слова *вид* (*на виду у всех; обиженный вид*) – оно обозначает не просто признаки объектов и ситуации, а такие признаки и такие ситуации, которые видит Наблюдатель.

Слова со смешанной семантикой образуются не только потому, что предикаты местонахождения и восприятия семантически бедные и просто обогащаются за счет друг друга, повышая этим свою информационную ценность. Пространственные и перцептивные предикаты имеют существенную связь и взаимообусловленность, так как пространственный контакт является условием восприятия некоторого объекта или ситуации, а восприятие, в свою очередь, имплицитно находит объект в данном фрагменте пространства и, тем самым, его существование.

Таким же образом связаны местонахождение и обладание: если объект принадлежит лицу, он находится в таком месте, откуда его можно взять, причем посessor знает это место (в противном случае объект потерян, украден и т.д.), ср. *хранить письма в шкапулке; держать деньги в сейфе* (связь местонахождения и обладания проявляется и в значениях глагола *хранить*: “локативном” *хранить что где* и “посессивном” (‘не перестать иметь’) *хранить квитанции, старые письма*), см. подробнее [Кустова 2004].

Другой важный процесс, противоположный смещению экспериментальных предикатов на внешние ситуации (каузаторы и экспликаторы), – смещение физических и других “активных” предикатов в экспериментальную сферу, т.е. возникновение экспериментальных значений у глаголов действия – физического (*жать, давить, жечь, загоразивать*) или “семиотического” (с перцептивным или речевым компонентом – *показывать, доказывать, объяснять*). Этот механизм тоже имеет метонимическую природу (смежность), и это метонимическое смещение тоже происходит либо в рамках исходного значения – на другой, “смежный” компонент, либо на другую, смежную ситуацию.

Здесь обнаруживаются три основных типа экспериментальных значений: ощущение, восприятие и ментальное состояние/пропозициональная установка (знание, понимание, уверенность, убежденность). Поскольку поставщики этих значений – каузативные глаголы (глаголы действия), то и в производном значении они обозначают не просто состояние, а обусловленное состояние, т.е., по существу, ОТНОШЕНИЕ между состоянием и обуславливающим это состояние фактором (*Горячая сковородка жжет руки*) или фактом (*Его поспешный отъезд доказывает его причастность к этой истории*).

Глаголы физического воздействия *давить, жать, жечь, колоть, тянуть* и др. могут обозначать ОЩУЩЕНИЕ: *давить на крышку чемодана → давить кому на плечи → рюкзак давит на плечи → в груди давит*.

Если объектом воздействия является человек, то в ситуации воздействия, наряду с обычными составляющими (воздействием и изменением), появляется еще одна, экспериенциальная, составляющая – ощущение человека:

Рюкзак давит на плечи.

(а) тяжесть предмета, имеющего контакт с телом человека, воздействует

(б) тело подвергается воздействию

(в) человек испытывает ощущение тяжести, давления.

Компонент (в) – ‘ощущение’ – не часть значения глагола *давить*, а экспериенциальная импликация, возникающая в ситуации *давить* в том случае, если объект “живой” (‘если на тело человека воздействовать способом S (давить, жечь и т.д.), то человек испытывает ощущение Р – “давление”, жжение и т.д.’). В случаях типа *Давить на крышку чемодана* такой импликации нет.

Метонимический сдвиг основан на смежности самих ситуаций воздействия и ощущения. Причем ощущение – ситуация не просто “смежная” с физическим воздействием, но и обусловленная им. Таким образом, глагол физического воздействия начинает обозначать ощущение, вызываемое данным типом воздействия, “смежное” с ним, а затем и “чистое” ощущение, возникающее в отсутствии реального физического каузатора: *В груди давит; Рану жжет.*

Такое же экспериенциальное значение есть у прилагательных типа *тяжелый, горький* и под. Оно также связано с ситуацией прототипического взаимодействия человека с объектом, признак которого (тяжесть, горечь) вызывает у человека определенную экспериенциальную реакцию (*тяжело, горько*).

Другое экспериенциальное следствие, которое может иметь для человека внешняя ситуация, – перцептивное (ВОСПРИЯТИЕ): ‘перестал видеть’/ ‘начал видеть’. Такое следствие может возникать в ситуациях, обозначаемых глаголами *загородить, закрыть* и под.:

Х загородил проход мешками → ‘существует преграда для движения’ → ‘тем самым существует преграда для зора’ → ‘Экспериенцер перестал видеть то, что находится за преградой’.

Смещение акцента на экспериенциальную составляющую сопровождается заменой агентивного каузатора (деятельности Агенса) на событийный:

Его шляпа загородила/загораживает экран, ‘произошло событие (X начал находиться между Наблюдателем и экраном)/имеет место состояние (X находится между Наблюдателем и экраном); вследствие этого Наблюдатель перестал видеть/не видит экран’.

Если перцептивный компонент не содержался в значении глагола действия (*загородить, закрыть*), происходит перенос на основе смежности самих ситуаций действия и восприятия (как в случае *давить*), если содержался (*показаться*) – происходит смещение акцента на этот компонент.

Производные экспериенциальные значения глаголов речи (которые уже в исходном значении содержат информационный компонент) могут выражать МЕНТАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ и ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ. Это может быть актуальное состояние: *Его выдал акцент* (мы слышим его речь и понимаем, что Р); а может быть объективная связь между некоторой пропозицией (фактом) и соответствующей этому факту установкой или ментальным состоянием, вообще говоря, любого Экспериенцера: *Этот факт доказывает его вину; Полученные им угрозы объясняют его внезапный отъезд*; ср. также *Его выдает акцент*.

Значения пропозициональной установки (знания, понимания, убежденности) возникают обычно у глаголов речевых действий *доказать, подтвердить, объяснить, изобличить, убедить*. В исходном значении такой глагол является названием типа речевого акта, т.е. названием деятельности Субъекта речи, а состояние Адресата – лишь следствие воздействия, в экспериенциальном значении этот глагол называет пропозициональную УСТАНОВКУ субъекта сознания (синтаксически невыразимого).

Субъект таких действий, как *доказать, объяснить* и под., сообщает Адресату не просто информацию (как в случаях *сообщить, проинформировать, признаться*), а такую информацию, которая необходима и достаточна для изменения ментального состояния Адресата и формирования у него соответствующей установки (понимает, уверен, убежден), т.е. убедительна, доказательна: *X подтвердил/объяснил/доказал, что P – 'X сказал такое и таким образом, что Y знает/понимает/считает, что P'*.

Когда человек получает такую информацию не в результате целенаправленного речевого воздействия другого человека, а из другого источника, он может сам сформировать соответствующую пропозициональную установку, если эта информация ДОСТАТОЧНА, т.е. содержит в себе указание на неслучайную связь событий:

Это доказывает P → зная это, нельзя сомневаться, что P;

Это объясняет P → зная это, можно понять, почему P.

Общей особенностью рассмотренных экспериенциальных ситуаций и значений является то, что экспериенциальные состояния человека являются реакцией, т.е. результатом воздействия ситуации внешнего мира и откликом на нее. При этом у них есть два существенных отличия от результатов обычных каузативных ситуаций. В отличие от агентивной ситуации это воздействие нецеленаправленное – в этом смысле экспериенциальные реакции похожи на результаты случайных воздействий типа *Ветер сломал ветку*. Вторая особенность экспериенциальных ситуаций состоит в том, что они не просто требуют “живого объекта” (живой объект может быть и у физических воздействий – *бить кого, сломать руку*), – это воздействие именно на экспериенциальные системы человека. Причем основа экспериенциальной каузации – сама способность человека как “информационного существа” реагировать на ситуации внешнего мира: ощущать, воспринимать, анализировать то, что происходит, даже не в результате специального воздействия, а просто находясь в контакте с некоторой ситуацией.

Механизм образования таких значений, в широком смысле, имплицитивный. Однако характер этой импликации совсем другой, чем в метафорической аналогии. Значение *сорвать голос* тоже основано на импликации исходной ситуации (*'нарушить'*), т.е. на одном из результатов. Однако такой результат человек может “заметить”, актуализировать, а может и “не заметить”, не использовать. Экспериенциальные же состояния-реакции типа *больно* или *тяжело* – это не такой результат, который человек может не заметить, он ощущает этот результат на себе.

КОСВЕННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Связующим звеном между внешним и внутренним миром являются предикаты **косвенного результата и интерпретации** (о глаголах косвенного результата см. [Кустова 1996]; о глаголах интерпретации см. [Апресян 1999; Кустова 2000б]). Они обозначают результат, смысл или оценку некоторого внешнего события (любого, не обязательно физического), т.е. его “информационный” КОРРЕЛЯТ, его проекцию в информационную сферу.

Глаголы интерпретации и косвенного результата, в широком смысле, анафорические, “местоименные”: *X спас Y-а*: ‘X сделал ТАКОЕ P, которое привело к спасению Y-а’; *X ошибся*: ‘X сделал P, и это P можно квалифицировать как ошибку’; *X огорчил Y-а*: ‘X сделал ТАКОЕ P, которое вызвало огорчение у Y-а’. Они обозначают косвенный результат некоторой ситуации P, но не содержат специфичной информации о денотативном содержании этой ситуации, ср.: – *Он нарушил закон / опозорил полк / огорчил сестру. – А что он сделал?* (далее для краткости все предикаты этой группы будем называть предикатами интерпретации).

Из такого устройства предикатов интерпретации вытекает важнейшая особенность их полисемии и семантической парадигмы: у них, как правило, НЕТ ПЕРЕНОСНЫХ (образных, метафорических) ЗНАЧЕНИЙ в традиционном понимании – к ним неприменима сама идея переноса по сходству, поскольку при таком переносе происходит сравне-

ние исходного денотата и нового, а у них нет никакого определенного исходного денотата (в этом смысле предикаты интерпретации похожи на операторы, которые также могут относиться к предикатам самых разных денотативных ситуаций). Содержание Р может быть любым, а предикат интерпретации обозначает сам тип изменения, которое вызвано этим событием Р в информационной сфере: вошел не в ту дверь; неудачно женился; неправильно подумал → *ошибся*; разбил чашку; получил двойку; отказался от приглашения → *огорчил*. Конечно, у отадъективных глаголов типа *расширить*, *повысить* есть противопоставление физических и нефизических результатов в самом “результативном” компоненте, которое похоже на метафорический перенос (*расширить канаву* – изменение физического параметра vs. *расширить международные связи* – изменение нефизического параметра; ср. также *повысить насыпь* vs. *повысить цены*), однако это противопоставление унаследовано от прилагательного (к тому же сами прилагательные *широкий*, *высокий* и под., хотя и относятся в исходном значении к признакам физических объектов, строго говоря, не являются “физическими”, т.к. выражают оценку физического параметра, отношение к норме).

Хотя глаголы интерпретации предназначены для того, чтобы передавать оценку внешней ситуации, ее результат для информационной сферы, их можно “приспособить” для обозначения самих внешних ситуаций, в том числе – физических, разворачивающихся в пространстве и времени: *спасать людей из огня*; *расширять канаву бульдозером*; *ошибиться дверью* (нередко это фиксируется словарями как особое “физическое” значение).

Кроме того, есть большая группа предикатов косвенного результата и интерпретации, у которых происходит регулярный коммуникативный сдвиг (перенос акцента) на ситуацию Р в рамках одного значения.

Если ситуация Р – поступок лица или ее можно синтаксически представить как ситуацию с личным субъектом, то глагол интерпретации имеет два режима употребления: косвенную номинацию и квалификацию.

В режиме косвенной номинации глагол обозначает сам поступок Р: *Сегодня Петя опять огорчил маму* (= получил двойку); *Поручик опозорил полк* (= отказался от дуэли); *Он обидел сестру* (= не пришел на день рождения); *Пойдем его обрадуем* (= скажем); *Давай его напугаем* (= сделаем). В сферу действия отрицания в этом режиме попадает поступок Р: *Сегодня Петя не огорчил маму двойкой* (= не получил двойку; то, что получение двойки огорчительно, не отрицается); *Поручик не опозорит полк* (не откажется от дуэли; не отрицается, что отказ от дуэли является позорным).

В режиме квалификации глагол обозначает оценку, смысл поступка, а отрицание, соответственно, является отрицанием этой оценки: *Петя не огорчил маму двойкой: она давно к ним привыкла*; *Поручик не опозорил полк отказом от дуэли, потому что дуэль – это предрассудок*.

Здесь действует принцип метонимического смещения, который похож как на внутреннюю метонимию, так и на внешнюю метонимию. В случае внутренней метонимии происходит сдвиг акцента на другой компонент той же ситуации (*выбил пепел из трубки* → *выбил трубку*), в случае внешней метонимии происходит смещение предиката на другую, смежную ситуацию (*Врач давит на грудь* – действие, вызывающее ощущение → *В груди давит* – ощущение). В предикатах же интерпретации сдвиг акцента происходит в пределах одного значения, но само это значение включает связь двух ситуаций, и в силу связи этих ситуаций название одной ситуации, внутренней (*огорчение*, *позор*, *обида*), т.е. предикат оценки, можно использовать для обозначения другой ситуации, внешней – в качестве косвенной номинации самого оцениваемого поступка.

* * *

Из этого обзора семантических стратегий и семантических парадигм многозначных слов видно, что, поскольку у человека “нет других слов”, он вынужден использовать все мыслимые возможности, чтобы “выжать” максимум из того, чем он располагает, – и

ему действительно удается “выжать” довольно много. С другой стороны, производные значения, при всем их разнообразии, являются реализацией концептуальных схем и импликаций, заложенных в исходном значении и исходной ситуации, поэтому из слова можно “выжать” только то, что есть в исходной ситуации и ее “стандартном” денотативном окружении, и использовать это так, как предусмотрено общими когнитивными принципами и механизмами языкового освоения реальности.

Внутренняя метонимия действует в пределах одной ситуации (на базе полного денотативного тождества), ее цель (и результат) – изменение акцента, точки зрения на ситуацию. Производное значение является реализацией импликации исходного значения, а суть данного коммуникативно-синтаксического преобразования состоит в том, чтобы акцентировать, “продвигать” (или, в терминах Е.В. Падучевой, помещать в фокус) разных участников одной и той же ситуации – разумеется, вместе с их компонентами, которые в исходном значении имели статус импликации: *застегнуть пуговицы на рубашке* → *застегнуть рубашку*; *Дворник метет мостовую метлой* → *Метла метет*.

Денотативная аналогия действует на базе частичного денотативного тождества. Формально она тоже выглядит как перенос акцента на исходно не-главный, импликативный компонент, который в производном значении оказывается главным. Например, значение *Платье метет мостовую* формально устроено так же, как *Метла метет*, т.е. акцентирует инструментальный компонент исходного агентивного значения (при этом, конечно, теряя Агенса). Таков механизм этой стратегии. Однако цель ее совершенно иная – не в том, чтобы подчеркнуть какой-то аспект исходной ситуации (поскольку производное значение соответствует уже совсем другой ситуации), а в том, чтобы использовать предикат исходной ситуации на том основании, что у этих ситуаций есть (относительно) тождественный фрагмент.

Внешняя метонимия распространяет знак ситуации на другую, смежную ситуацию, которая не имеет не только сходства с первой, но часто имеет другую природу. Однако эти ситуации связаны неслучайным образом – одна из них имплицитно подразумевает другую (*Давить на грудь* – *В груди давит*).

Таким образом, метафорические значения основаны на тождестве ситуации, на сходстве (совпадении) фрагментов ситуаций и на смежности (связи) ситуаций.

Метафорическая аналогия основана не на использовании компонентов, а на использовании концептуальных схем, извлекаемых из исходного значения и прототипической ситуации. При этом тоже очень активно работает импликативный механизм. Например, если в исходной ситуации *сорвать яблоко* смысл ‘получить в свое распоряжение’ был всего лишь импликацией, то в метафорических значениях смысл ‘получить’, ‘иметь’, ‘добиться’ становится основным (*сорвать на водку*; *сорвать куш*; *сорвать аплодисменты*).

Хотя метафора – более творческий, более “познавательный” механизм по сравнению с метонимией (сходство может быть неочевидным, а смежность, связь очевидна), тем не менее метонимия тоже очень важна для когнитивного подхода к описанию производных значений, так как она демонстрирует логику языкового освоения реальности (и связи в самом сознании человека), хотя это другая логика, чем у метафоры.

Вообще, метонимический принцип, т.е. принцип связи, смежности, – это не только принцип переноса, но и принцип внутреннего устройства самих значений. В одних случаях происходит перенос знака с одной ситуации на другую, потому что эти ситуации связаны (*Ему грустно* → *У него грустный взгляд*), а в других случаях две ситуации оказываются связанными, соединенными уже в пределах одного значения. Обычно соединяются в одном значении некоторая базовая физическая ситуация (и вообще внешняя по отношению к человеку ситуация) и ее информационный коррелят:

местонахождение/движение – восприятие: *виднеться, показаться*;

местонахождение – обладание: *хранить (что где)*;

внешняя ситуация – ее проекция в информационную сферу: *огорчить, опозорить, спасти*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1993 – В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян. Метафора в лексикографическом толковании эмоций // ВЯ. 1993. № 3.
- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1999 – Ю.Д. Апресян. Интерпретационные глаголы – группа *ошибаться* // W zwierciadle języka i kultury. Lublin, 1999.
- Арутюнова 1979 – Н.Д. Арутюнова. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Вежбицка 1986 – А. Вежбицка. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. М., 1986.
- Гак 1972 – В.Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.
- Гак 1973 – В.Г. Гак. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
- Зализняк 2004 – Анна А. Зализняк. Феномен многозначности и способы его описания // ВЯ. 2004. № 2.
- Иорданская 1970 – Л.Н. Иорданская. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.
- Иорданская 1972 – Л.Н. Иорданская. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 16. М., 1972.
- Кибрик 1992 – А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кошелев 1989 – А.Д. Кошелев. Об основаниях языковой классификации движений, задаваемой глаголами движения // Семиотика и информатика. Вып. 29. М., 1989.
- Кошелев 1999 – А.Д. Кошелев. Описание когнитивных структур, составляющих семантику глагола ехать // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна, 1999.
- Кустова 1996 – Г.И. Кустова. О коммуникативной структуре значения глаголов с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. Т. 2. 1996.
- Кустова 1998а – Г.И. Кустова. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Кустова 1998б – Г.И. Кустова. “Память значения” (две тенденции в процессах семантической деривации) // Труды Международного семинара Диалог’98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998.
- Кустова 1999а – Г.И. Кустова. Семантические модели производных значений глаголов перемещения объекта // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1999. № 5.
- Кустова 1999б – Г.И. Кустова. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- Кустова 2000а – Г.И. Кустова. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // ВЯ. 2000. № 4.
- Кустова 2000б – Г.И. Кустова. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение // Логический анализ языка. Язык и этика. Сб. научных трудов. М., 2000.
- Кустова 2002а – Г.И. Кустова. Экспериенциальная сфера и концепт тяжести в русском языке // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002.
- Кустова 2002б – Г.И. Кустова. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // ВЯ. 2002. № 2.
- Кустова 2004 – Г.И. Кустова. Семантическая парадигма глаголов отношения (*хранить*) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2004. № 11.
- Мартемьянов 1964 – Ю.С. Мартемьянов. Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964.
- НСЗ 1984 – Новые слова и значения: Словарь-справочник/Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.
- Павлов 1960 – В.М. Павлов. О разрядах имен прилагательных в русском языке // ВЯ. 1960. № 2.
- Падучева 2000 – Е.В. Падучева. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

- Падучева, Розина 1993 – *Е.В. Падучева, Р.И. Розина*. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // ВЯ. 1993. № 6.
- Петров, Переверзев 1988 – *В.В. Петров, В.Н. Переверзев*. Ситуационная семантика. М., 1988.
- Рахилина 1998 – *Е.В. Рахилина*. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Розина 1999 – *Р.И. Розина*. Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999.
- Селиверстова 1990 – *О.Н. Селиверстова*. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. М., 1990.
- Blake 1994 – *B.J. Blake*. Case. Cambridge, 1994.
- Chafe 1971 – *W.L. Chafe*. Meaning and the structure of language. Chicago; London, 1971 (русск. пер.: У.Л. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975).
- Croft 1991 – *W. Croft*. Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information. Chicago; London, 1991.
- Fillmore 1968 – *Ch.J. Fillmore*. The case for case // E. Bach, R. Harms (eds). Universals in linguistic theory. New York, 1968 (русск. пер.: Ч. Филлмор. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981).
- Lakoff, Johnson 1980 – *G. Lakoff, M. Johnson*. Metaphors we live by. Chicago, 1980.
- Metonymy 1999 – Metonymy in language and thought / Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Talmy 1983 – *L. Talmy*. How language structures space // Spacial orientation: theory, research, and application/Ed. by H. Pick, L. Acredolo. New York, 1983.
- Talmy 1988 – *L. Talmy*. The relation of grammar to cognition // Topics in cognitive linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam, 1988.
- Van Valin 1993 – *R.D. Van Valin, Jr.* (Ed.) Synopsis of role and reference grammar // Advances in role and reference grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Wierzbicka 1980 – *A. Wierzbicka*. Lingua mentalis. Sydney, 1980.
- Wierzbicka 1990 – *A. Wierzbicka*. The semantics of emotions: fear and its relatives in English // Australian journal of linguistics. 1990. V. 10. № 2.